

УДК 94(47)''13'':27-36(045)

*Р.А. Соколов***ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О МИХАИЛЕ ТВЕРСКОМ**

В истоке формирования исторической памяти о Михаиле Тверском лежит представление о нем как о святом, сформировавшееся сразу после его гибели в Орде. Изначально пребывание его мощей в Твери давало ее князьям важное преимущество перед Москвой в идеологическом срезе их противостояния (впоследствии, после смерти митрополита Петра оно было нивелировано). Тверские князья с особенным пиететом относились к памяти своего предка. Впрочем, восприятие Михаила как героя истории распространилось и на другие города, в том числе на Москву. Канонизация 1549 г. была обусловлена в политическом смысле стремлением Ивана Грозного подчеркнуть свое родство с ним. В течение последующих веков (XVIII – начало XX в.) почитание Михаила развивалось, но так и не достигло уровня культа героя истории на общероссийском уровне. После эпохи атеистического забвения образ князя в исторической памяти современников вновь обрел былую актуальность, при этом на рубеже XX–XXI вв. произошло его «соединение» с исторической памятью о его супруге – Анне Кашинской.

Ключевые слова: Михаил Тверской, историческая память, история канонизации, история Русской церкви, отечественная история.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-717-724

Гибель Михаила Ярославича Тверского в Орде произвела на современников очень серьезное впечатление. Обстоятельства последней поездки князя в Орду, жестокая казнь, по сути, та самая «смерть за други своя», выше которой ничего нет, были причиной того, что и народное, и церковное почитание Михаила началось сразу после его смерти. Свидетельством тому стало создание в Твери вскоре после 1318 года особой повести, посвященной Михаилу и его подвигу. Этот литературный памятник оказался довольно популярным у древнерусского читателя и дошел до нас в 15 редакциях [11, с. 7]. Упоминание о нем в самом начале настоящего исследования объясняется не только тем, что он представляет собой важнейший источник, позволяющий реконструировать представления людей средневековья о феномене погибшего князя и сути его подвига. Важен сам факт появления этого текста, представляющего собой по своей сути агиографическое описание – житие. Е. Е. Голубинский, исследуя «уровни» святости (от местного почитания до общецерковного) справедливо писал о том, что создание жития было важнейшим шагом на пути к канонизации того или иного подвижника [6, с. 41].

Строго говоря, гибель Михаила Ярославича не была мученичеством в том смысле, что она не являлась смертью за веру. И хотя определенные указания на схожесть его подвига с мученичеством Михаила Черниговского (от которого, напомним, требовали исполнения некоторых языческих магических обрядов) в летописи имеются [20, с. 196], все же к отречению от христианства или даже к частному нарушению его требований князя никто не понуждал. Однако готовность пожертвовать собой ради избавления от смертельной угрозы ближних (этим и была вызвана сама поездка к охваченному гневом хану), стойкое поведение в Орде, мужественно и твердо перенесенные издевательства и пытки, незаконный суд с заранее известным результатом (обвинения возводил тот же злейший враг тверского князя – Кавгадый), наветы со стороны родственника – московского князя Юрия, наконец, отказ от представившейся возможности бежать (это означало опять же разорение Твери и гибель многих ее жителей) – все это делало Михаила мучеником если не за христианство, то за христиан, и народ в полной мере оценил это.

В древнерусской традиции почитания святых непротивление агрессии со стороны родственников, благодаря примеру братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба Владимировичей, получило особенную значимость. Аналогии между драматическим исходом поездки Михаила в Орду и убийством сыновей Крестителя Руси неизбежно возникали, и, конечно, они были зафиксированы в летописях: «И причтеса съ лики святыхъ и со сродникама своима святымъ Борисомъ и Глебомъ» [20, с. 196]. Разумеется, это должно было сыграть свою роль в будущем почитании и канонизации. В данном случае было не так важно, что приговор вынес хан Узбек, а не Юрий Данилович Московский – кровь Михаила все равно ложилась и на его совесть тяжелым бременем, ведь именно он возводил обвинения на своего противника. Потому правильным будет признать, что для книжника XIV века драматические события,

следствием которых стала столь трагическая развязка, вызваны не столько насилием Орды, сколько отсутствием «братолюбия» и политическими усобицами князей друг против друга [26, с. 78].

В летописи показано, что тверской князь уже после Бортеневской битвы, которая была спровоцирована вовсе не им, а Москвой, делал безуспешные попытки примириться. Ответом на них стала жестокая расправа над пришедшим с миром тверским послом [22, стб. 38]. Далее Юрий отправился к хану и вместе с Кавгадыем начал усердно клеветать («вадити») на своего оппонента. Непосредственно суд трактовался книжником как спор глав Московского и Тверского княжеских домов, и, с его слов, сам хан говорил своим приближенным по этому поводу: «Что ми есте рекли до князя Михаила, судите ею съ Юриемъ». После приговора Михаил, на шею которого была возложена деревянная колода, должен был отправиться вслед за ханом, который, переезжая с места на место, развлекался охотой. Все время пути узник не терял самообладания и готовился к смерти, постоянно молился и читал псалмы [22, стб. 39].

Наконец, 22 ноября 1318 года на Северном Кавказе в районе реки Терек у города Тетякова на реке Севенче (однозначного мнения о локализации двух последних объектов нет) над несчастным была учинена расправа, в которой непосредственно участвовали люди Кавгадыя и того же Юрия. Примечательно, что роковые удары нанес русский – «единъ отъ беззаконныхъ убиецъ именовъ Романецъ», буквально вырезавший у Михаила сердце [22, стб. 39]. Но Юрий по-прежнему все еще не был удовлетворен: когда все было кончено, он зашел посмотреть на нагой и истерзанный труп поверженного врага, что вызвало недоумение даже у Кавгадыя, напомнившего московскому князю о родстве с Михаилом. Кавгадый потребовал отправить тело казненного для погребения на Русь [21, с. 185]. Юрий немедленно взялся исполнить это, но опять же выставил себя в крайне неприглядном виде, доставив покойного в Москву и поставив его дальнейшее возвращение в Тверь в качестве условия для заключения договора с наследниками. Так начала формироваться идея о проигравшем политическую борьбу, но одержавшем сильнейшую нравственную победу князе Михаиле [2, с. 270].

Примечательно, что летопись, говоря о переговорах Юрия с тверскими представителями, не называет среди последних старшего сына Михаила Дмитрия (позже он получит прозвание Грозные Очи): делегацию от Твери возглавлял следующий брат – Александр [22, стб. 40]. Этот факт представляется не случайным: вероятно, и сам Дмитрий, и его родственники, понимали особенности характера старшего из Михайловичей и потому посчитали за лучшее не включать его в процесс переговоров.

6 сентября 1319 года истерзанное тело князя обрело, наконец, последний приют в Спасо-Преображенском соборе Твери [22, стб. 40]. Таким образом, этот главный городской кафедральный храм, возведенный в конце XIII века по инициативе самого Михаила, получил свою святыню – мощи святого князя – сыновья которого вполне справедливо теперь могли опираться в своих устремлениях на авторитет памяти о нем. Это должно было послужить серьезным консолидирующим фактором для тверичей.

Е. Е. Голубинский, всесторонне исследовавший канонизацию русских святых, не сомневался в том, что в Твери местное почитание почившего началось сразу же после захоронения [6, с. 67]. Юрий отпустил уцелевших после убийства в Орде своего врага и оказавшихся в его руках тверских бояр. Они могли рассказать о последних днях своего господина и о его гибели во всех подробностях, которые были истолкованы как чудесные и тщательно зафиксированы.

Уже в ночь убийства произошло первое чудо. Тело Михаила было положено на некой «велицей досце», которая была помещена на телегу и накрепко привязана к ней для безопасной перевозки. Два караульных, приставленных Юрием стеречь покойного, с наступлением темноты внезапно оказались охвачены страхом и покинули свой пост. Вернувшись со светом, они обнаружили, что почивший лежит на земле. Те места были обиталищем многочисленных диких зверей, но ни один из них не потревожил тела угодника. Нашлись также свидетели того, что над убитым в продолжение ночи стояли два сияющих как солнце «облака светла». По пути на Русь провожавшие останки Михаила «немилости-вии бояре», конечно, выполняя приказ московского князя, во время остановок не допускали того, чтобы доверенный им скорбный груз находился в церквях. Однажды в качестве временного пристанища для покойного был использован хлев. Но и в этот раз, как ответ на такое небрежение, произошло чудо, выразившееся в возникшем над хлевом огненном столпе, который наблюдали многие русские и представители других народов. В чужих землях жители городов иногда видели, что скорбную повозку сопровождают неизвестно откуда взявшиеся люди со свечами и всадники с фонарями в руках, «на воздусахъ ездяще». Наконец, как утверждает летопись, доставленные 6 сентября 1319 года в Тверь из Москвы останки князя оказались нетленными, что должно было еще больше убедить находившихся здесь людей в святости Михаила [20, с. 196-198].

Впрочем, справедливости ради отметим, что сообщения о чудесах имеются далеко не во всех летописях, но это вовсе не ставит под сомнение утверждение о том, что в XIV–XV веках почитание Михаила Ярославича как святого в тверских пределах было широко распространено [Ср.: 1, с. 122–124]. Другое дело, что, в отличие от Александра Невского, или, например, своего современника митрополита Петра, князь долгое время оставался святым собственно тверским, и почитание его соединялось с местным патриотизмом. Но здесь важно подчеркнуть, что на тот момент в Москве подобной святости – мощей угодника, при жизни тесно связанного с их городом, – не имелось, ведь до переезда к ним Петра, его смерти и погребения оставалось несколько лет.

Как было сказано выше, сразу после похорон Михаила было составлено Житие святого [11, с. 234]. Какие-то сведения об описанных выше чудесах могли сохраняться в устной форме и были зафиксированы в летописях. Несправедливость всего произошедшего должны были ощущать и противники Твери – москвичи. Таким образом, утверждение, согласно которому Михаил стал первым святым Твери [26, с. 95], должно быть признано верным. С другой стороны, объективно верным было и то, что в будущем москвичи, благодаря умению Ивана Калиты наладить отношения с русским первоиерархом, идеологически смогли все же переиграть свою соперницу: погребение в их городе святого митрополита Петра, признанного таковым официально на общерусском уровне (1339 г.) почти сразу после последовавшей в 1326 году кончины, серьезно поднимало авторитет их столицы и как политического центра.

В XIV–XV веках в Твери не было возведено храмов или приделов в честь Михаила Ярославича, однако некоторые из них в тот период возводились в память Михаила-Архангела – предводителя Небесного Воинства, соименного князю, положившему в Орде свою жизнь ради спасения соотечественников от ханского гнева [1, с. 124–125]. Отметим, что аналогичным образом поступил после кончины митрополита Петра и Иван Калита, стараниями которого при Успенском соборе в Кремле был устроен придел Поклонения Веригам Апостола Петра – святого, соименного недавно почившему первоиерарху [3, с. 59]. Что же касается тверских правителей, то они, разумеется, должны были ощущать духовный авторитет своего предка, совершившего столь значимый подвиг, следствием чего, отчасти, и стало возведение храмов в честь его святого покровителя [1, с. 127].

Примечательное доказательство этому находим в известии о приготовлении к кончине Михаила Александровича Тверского (1399), который, чувствуя приближение смерти и выбирая для себя в Спасо-Преображенском соборе место будущего захоронения, посчитал важным поклониться могилам предков, среди которых первым назван «гроб» великого князя Михаила Ярославича [18, с. 388].

Однако следует еще раз подчеркнуть, что было бы категорически неверным считать, будто память о подвиге страстотерпца не выходила за пределы Тверской земли, ведь описание трагедии, произошедшей в 1318 году при ставке ордынского хана, вошло во многие летописи. В XVI веке этот рассказ с многочисленными подробностями был помещен в Степенной книге, причем отрицательная роль Юрия Даниловича Московского и в этом памятнике московской книжности вовсе не затушевывалась [23, с. 333–342]. К этому моменту Михаил Ярославич уже был прославлен в лике святых вместе со многими другими русскими подвижниками на одном из Макарьевских Соборов (по имени митрополита Макария (1542–1563)), состоявшемся в 1549 году [6, с. 104].

Конечно, основным мотивом для канонизации Михаила стали почитание князя как святого и существовавшая вера в происходящие по его молитвам чудеса. Это не исключает и определенных политических причин, которые могли особенно привлекать к этому персонажу русской истории внимание государя Ивана Васильевича, принявшего на себя в 1547 году царский титул.

Во-первых, Михаил, так или иначе, оказался одним из первых князей, вступившим в противостояние с ордынским войском, которое сопровождало Юрия Даниловича в его походе на Тверь в 1317 году. Во-вторых, хоть и погиб святой не столько от злоумышлений хана, сколько от интриг собственных собратьев, но все же произошло это в Орде, властитель которой был ответственен за неправый суд. Следовательно, Михаил Ярославич рассматривался как святой заступник в деле борьбы с остатками зависимости Руси от осколков Золотой Орды, одним из которых была Казань. Противостояние с ней в конце 1540-х годов как раз вступало в решающую фазу. Наконец, важным было и то, что Ивану IV важно было обосновать права на принятый царский титул, для чего требовалось подтвердить авторитет собственного рода, династии. Михаил Ярославич не был его прямым предком по мужской линии, но такое родство между ними имелось по женской линии (через прабабку государя – супругу Василия II Марию Ярославну, доводившуюся правнучкой Иулиании Александровне Тверской), и царю важно было показать величие и боковых, и центральной ветвей рода.

Но, даже несмотря на это, почитание Михаила в XVI веке широкого размаха так и не приобрело [1, с. 129]. Ситуация изменилась в следующем, XVII столетии. Центром почитания князя становится место его упокоения – Спасо-Преображенский собор. В период Смуты сформировалось предание о помощи, которую святой подавал защитникам города против интервентов, и, хотя отстоять тогда Тверь не удалось, горожане об этом не забыли. С заступничеством Михаила в какой-то степени связывали и окончательное избавление от бед Смутного времени [1, с. 130].

В данном случае уместно вспомнить о том, что почитание погребенной в Кашине супруги князя Михаила – Анны Кашинской началось именно со времен Смуты, в годы которой кашинцы связали с ее чудесной помощью длительное избавление от разорения их города разбойничьими шайками, бродившими по всей стране. Враги приступали к стенам, страдал посад, но все же бедствия были меньшими, нежели в других местах. Причину этого усмотрели в заступничестве святой Анны. К ее гробу началось паломничество, стали происходить чудеса, это было настоящее непрекращавшееся народное местное почитание [10, с. 490-491].

Открытие мощей Михаила Тверского состоялось и при соименном ему первом царе из рода Романовых Михаиле Федоровиче (1632). Едва ли такое совпадение было случайным; его инициировал архиепископ Евфимий (одновременно началась перестройка собора) [6, с. 541]. Стали происходить чудеса, и тверской архиерей тщательно следил за тем, чтобы все они были зафиксированы. В 1654 году останки были переложены в новую раку [25, с. 4-9]¹: в городе тогда свирепствовала смертельная эпидемия, и о ее избавлении верующие возносили свои молитвы [1, с. 130].

Еще в начале XVII века (не позже 1616 года) в Спасо-Преображенском соборе был устроен посвященный Михаилу Ярославичу придел. Он сохранился в храме и после коренной его перестройки 1689–1696 годов. Таким образом, почитание святого окончательно переросло рамки княжеского пантеона [1, с. 129-131].

С XVII в. становится возможным проследить и развитие иконописных изображений Михаила Тверского. Соответствующая местная традиция, конечно, существовала и раньше (доказательством тому служит миниатюра из Хроники Георгия Амартола (первая половина XIV в.) и восприятие ее композиционных особенностей в более позднее время) [15, с. 10, 46], однако утрата других памятников XIV-XVI вв. исключает их изучение [12, с. 330].

Интерес к отечественной истории, который постоянно возрастал в российском обществе XVIII–XIX веков, способствовал тому, что жизненный путь Михаила и его подвиг оказались одним из исторических примеров для соотечественников. Обо всем этом было достаточно хорошо известно благодаря и его церковному прославлению, и трудам историков. Не случайно его фигура была помещена на памятнике «1000-летие России», посвященном юбилею государственности. Примечательно, что непосредственными «соседями» Михаила в данном случае стали Александр Невский и Дмитрий Донской – князья, причастные к выстраиванию отношений с Ордой в разные годы.

Почитание Михаила Тверского и историческая оценка его роли в формировании русской государственности были некой константой, переменить которую, казалось, вряд ли возможно. Историческая память о князе не была тесно связана с монархическим строем и не имела таких «государственных» черт, как, например, образ Александра Невского – правителя, соименного трем из шести императоров XIX века. Доказательством тому может быть уже то, что важнейшее событие – переложение мощей Михаила Тверского «из прежней деревянной в новую серебряную раку» (23 июня 1902 года) – было лишь кратко упомянуто в приложении к главному периодическому изданию Святейшего Синода. Члены Императорской семьи здесь лично не присутствовали (что само по себе говорит о многом), хотя некоторые высшие чиновники империи все же приехали, а великий князь Михаил Александрович (в то время наследник престола) финансово поучаствовал в изготовлении кипарисно-металлической раки, созданной по типу гробницы Ярослава Мудрого [16, с. 862].

Народное почитание Михаила Тверского выражалось, в том числе и в том, что с 1831 года в память о прекращении эпидемии холеры, окончившейся, как верили жители Твери по его молитвам, в городе ежегодно 24 июня совершался крестный ход с мощами святого. На этот праздник собирались десятки тысяч человек: «Верующие, подобно широкой реке, текут под святую раку с молитвою и крестным знаменем, городские и деревенские, богатые и бедные, крепкие мужи, юноши и старцы

¹ В данной публикации дата переложения мощей (от сотворения мира) переведена на современный стиль не точно (1655 год) [26, с. 4]. С учетом сентябрьского стиля 30 сентября 7163 года соответствует 1654 году.

самых преклонных лет, старицы и девицы, и женщины с грудными младенцами, – все стремятся с благоговением подойти под святые мощи, и все успевают подойти» [4, с. 539 и др.].

Сравнительно малое внимание монархической власти к памяти о князе не помогло, однако, избежать вскрытия его мощей в первые годы советской власти. Это было осуществлено в рамках общей программы, направленной на борьбу с «религиозным дурманом» [О «мощейной эпопее» подробно см.: 8, с. 31-113]. Свою роль в этом сыграло и то, что местные власти Твери даже на общем, весьма неблагоприятном, фоне отличались своей подчеркнуто-воинственной антирелигиозностью [8, с. 72]. 18 мая 1919 года надругательство было совершено... Журнал «Революция и Церковь» поместил краткий отчет об этом событии [13, с. 79]. В 1922 году была конфискована рака святого, а перед уничтожением в 1935 году Спасо-Преображенского собора оттуда в краеведческий музей были переданы его мощи. На месте собора был разбит сквер, позже там появился памятник М.И. Калинину, в честь которого была переименована Тверь (1931–1990). В 1941 году в ходе Великой Отечественной войны город на два месяца был захвачен фашистами, одним из следствий чего стало разорение местного музея. В результате этого мощи великого князя Михаила Ярославича оказались утрачены [9, с. 31-56]. Хочется верить, что не навсегда, и когда-нибудь они все же будут явлены верующим.

Пока же в центре родного города святого Михаила при слиянии Тьмаки и Волги, в 2002 году освящен построенный в его честь храм, заканчивается начатое в 2014 году восстановление Спасо-Преображенского собора, в 2008 году в Твери был установлен величественный памятник князю, площадь, где он находится, в 2018 году получила его имя. В 2018 году в тверской Воскресенский собор была передана из Москвы сохранившаяся частица мощей святого Михаила Тверского [7, с.1].

В заключение настоящей статьи необходимо затронуть еще один аспект современного восприятия исторической памяти о князе. В наши дни она оказалась тесно связанной с феноменом его супруги – Анны Кашинской. Но ранее их почитание долгое время было как бы «раздельным». В гораздо большей степени прослеживается связь Михаила с его матерью – Ксенией. Основой для этого, вероятно, стало то, что вдова родоначальника тверских князей вообще, судя по всему, принимала деятельное участие в делах управления княжеством. Ведь, оставшись с малолетним ребенком-княжичем на руках, она должна была чувствовать ответственность за обеспечение его политических интересов. Ее имя не однажды встречается на страницах летописи: совместно с сыном ей приписывают важнейшие решения, такие, как основание Спасо-Преображенского собора [17, стб. 482-483] или выборы нового епископа (1289) [21, с.167]. Даже после того, как Михаил женился (1294 г.), его мать, хотя и приняла постриг, но совсем от дел не отстранялась и, как справедливо писала Г. С. Гадалова, «зорко следила за всем происходящим и, когда могла, помогала, советовала или вмешивалась в ход событий» [5, с.87]. Свидетельством тому стало ее участие в предпринятой в 1304 г. через митрополита Максима попытке склонить Юрия Московского к отказу от борьбы за великокняжеский ярлык (1304 г.) [19, стб. 376].

Зримым воплощением наличия изначального пересечения исторической памяти о сыне матери служит то, что вскоре после гибели Михаила их изображения были помещены рядом друг с другом в иллюстрированной Хронике Георгия Амартола, о которой говорилось выше. Они оба предостоят Богородице в молении, на заднем фоне виден Спасо-Преображенский собор. Не исключено, что заказчицей этой книги была Анна Кашинская [14, с. 9], вероятно, хорошо понимавшая заслугу свекрови в укреплении принадлежавшего ее мужу и детям княжества. Прослеживается связь Михаила и Ксении и богослужебной традиции, при этом важно подчеркнуть, что фиксируется она еще в период независимости Твери [24, с. 46].

Об Анне Кашинской до начала XVII в., напротив, вообще не вспоминали, да и последующая ее посмертная «судьба», связанная с первоначальным забвением, канонизацией, затем ее фактической отменой и вновь восстановлением статуса общерусской святой оказалась крайне сложной. В результате, образ княгини воспринимался как-то отдельно от мужа. Ситуация изменилась на рубеже XX–XXI веков. Буквально на наших глазах происходит своего рода новое соединение в общественном сознании исторической памяти о супругах. Имеет место представление о созданной ими семье как некоем идеале, причем не только на церковном, но и на государственном уровне. В 2021 году им был открыт парный памятник перед зданием городского ЗАГСа в Твери. Это еще раз доказывает, что историческая память о героях средневековой русской истории – развивается и может приобретать новые, до определенной поры не раскрытые аспекты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданов С. В.* О культе князя Тверского и великого Владимирского Михаила Ярославича в тверском Верхневолжье в средневековое время (обзор сведений) // Михаил Тверской – 700 лет в исторической памяти. Материалы международной научной конференции (Тверь, 6 февраля 2019 г.). Тверь: ПЦ «Смук», 2019. С. 119-133.
2. *Борисов Н. С.* Михаил Тверской. М.: Молодая гвардия, 2017. 284 с.
3. *Борисов Н. С.* Русская Церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 205 с.
4. *Владиславлев В. Ф.* Обнесение святых мощей в Тверской епархии // Тверские епархиальные ведомости. 1886. № 19 (1 октября). Часть неофициальная. С. 538-546.
5. *Гадалова Г. С.* Благоверная великая княгиня Ксения Тверская. Тверь: Герменевтика, 2011. 224 с.
6. *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Крутиц. патриаршее подворье, 1998. 597 с.
7. *Иванов П.* Возвращение Михаила Тверского // Тверские ведомости. 2018. 5–11 декабря. С. 1.
8. *Кашиеваров А. Н.* Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб.: Наука, 2013. 226 с.
9. *Коняевская Е. Л.* Михаил Тверской (Почитание) // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2017. Т. 45. С. 31–56.
10. *Костомаров Н. И.* Церковно-историческая критика в XVII в. // Вестник Европы. 1870. Апрель. С. 479-506.
11. *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974. 289 с.
12. *Майорова Н. А.* Образы святых Михаила Тверского и Анны Кашинской // Святые покровители семьи: от любви земной к любви небесной. М.: Лето, 2022. С. 328–365.
13. Мощи. [Сводка вскрытий мощей, произведенных по почину трудящихся в пределах Советской России в 1918, 1919 и 1920 гг.] // Революция и Церковь. 1920. № 9–12. С. 72–82.
14. *Попов Г. В.* Проблемы атрибуции первой выходной миниатюры Хроники Георгия Амартола // Русские исторические деятели в иконе: Тезисы докладов научной конференции Центрального музея имени Андрея Рублева: декабрь 1989 года. М., 1995. С. 7–10.
15. *Попова Т. В.* Тверская икона XIII–XVII вв. СПб.: Аврора, 1993. 280 с.
16. Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Синоде. 1902. № 26 (29 июня). С. 862.
17. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
18. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 536 с.
19. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. 581 с.
20. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1856. 362 с.
21. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. 248 с.
22. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. М.: Наука, 1965. 504 стлб.
23. ПСРЛ. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. 1-я половина. Ч. 1. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 350 с.
24. *Рычков А. А.*, свящ. Родственные связи Тверских князей в контексте церковного почитания представителей Тверского княжеского дома конца XIII–XIV веков // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 2 (22). С. 43–49.
25. [Слово о переложении честных мощей блаженного великого князя Михаила Ярославича Тверского чудотворца] // Журнал 86-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 1 мая 1902 года. Тверь, Б. г. С. 4–9.
26. *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 206 с.

Поступила в редакцию 19.02.2024

Соколов Роман Александрович, доктор исторических наук,
проректор по воспитательной деятельности и молодежной политике РГПУ
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Казанская, 6
E-mail: romansokolow@mail.ru

R.A. Sokolov

HISTORICAL MEMORY OF MIKHAIL TVERSKOY

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-717-724

At the origin of the formation of the historical memory of Mikhail Tverskoy lies the idea of him as a saint, formed immediately after his death in the Horde. Initially, the stay of his relics in Tver gave its princes an important advantage

over Moscow in the ideological context of their confrontation (later, after the death of Metropolitan Peter, it was leveled). The Tver princes treated the memory of their ancestor with special reverence. However, the perception of Mikhail as a hero of history has spread to other cities, including Moscow. The canonization of 1549 was conditioned in a political sense by the desire of Ivan the Terrible to emphasize his kinship with him. During the following centuries (XVIII – early XX centuries), the veneration of Michael developed, and did not reach the level of the cult of the hero of history at the all-Russian level. After the era of atheistic oblivion, the image of the prince in the historical memory of his contemporaries regained its former relevance, while at the turn of the XX-XXI centuries, his "connection" with the historical memory of his wife, Anna Kashinskaya, took place.

Keywords: Mikhail Tverskoy, historical memory, the history of canonization, the history of the Russian Church, national history.

REFERENCES

1. *Bogdanov S. V.* O kul'te knyazya Tverskogo i velikogo Vladimirskogo Mihaila YAroslavicha v tverskom Verhnevolzh'e v srednevekovoe vremya (obzor svedenij) [About the cult of Prince Tver and the great Vladimir Mikhail Yaroslavich in the Tver Upper Volga region in medieval times (review of information)]. *Mihail Tverskoj – 700 let v istoricheskoy pamyati. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Tver', 6 fevralya 2019 g.)* [Mikhail Tverskoy – 700 years in historical memory. Proceedings of the international scientific conference (Tver, February 6, 2019)]. Tver': PC «Smuk» publ., 2019. pp. 119-133. (In Russian).
2. *Borisov N. S.* Mihail Tverskoj [Mikhail Tverskoy]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2017, 284 p. (In Russian).
3. *Borisov N. S.* Russkaya Cerkov' v politicheskoy bor'be XIV–XV vv [The Russian Church in the political struggle of the XIV–XV centuries]. Moscow, Moscow State University Press, 1986. 205 p. (In Russian).
4. *Vladislavlev V. F.* Obnesenie svyatyh moshchej v Tverskoj eparhii [The presentation of holy relics in the Tver diocese]. *Tverskie eparhial'nye vedomosti* [Tver Diocesan Gazette]. 1886. № 19 (1 oktyabrya). Chast' neoficial'naya, pp. 538-546. (In Russian).
5. *Gadalova G. S.* Blagovernaya velikaya knyaginya Kseniya Tverskaya [The Blessed Grand Duchess Xenia of Tver.]. Tver', Germenevtika Publ., 2011, 224 p. (In Russian).
6. *Golubinskij, E. E.* *Istorija kanonizacii svyatyh v Russkoj Cerkvi* [History of the canonization of saints in the Russian Church]. Moscow, Krutic. patriarshee podvor'e Publ., 1998, 597 p. (In Russian).
7. *Ivanov P.* Vozvrashchenie Mihaila Tverskogo [The Return of Mikhail Tversky]. *Tverskie vedomosti* [Tverskiye vedomosti], 2018, 5–11 dekabrya, pp. 1. (In Russian).
8. *Kashevarov A. N.* Sovetskaya vlast' i sud'by moshchej pravoslavnyh svyatyh [Soviet power and the fate of the relics of Orthodox saints]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, 226 p. (In Russian).
9. *Konyavskaya E. L.* Mihail Tverskoj (Pochitanie) [Mikhail Tverskoy (Veneration)]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow: Pravoslavnaya enciklopediya Publ., 2017, Vol. 45, pp. 31–56. (In Russian).
10. *Kostomarov N. I.* Cerkovno-istoricheskaya kritika v XVII v. [Church historical criticism in the XVII century]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1870, April, pp. 479-506. (In Russian).
11. *Kuchkin V. A.* Povesti o Mihaile Tverskom. Istoriko-tekstologicheskoe issledovanie [The story of Mikhail Tversky. Historical and textual research]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 289 p. (In Russian).
12. *Majorova N. A.* Obrazy svyatyh Mihaila Tverskogo i Anny Kashinskoj [Images of Saints Mikhail Tversky and Anna Kashinskaya]. *Svyatye pokroviteli sem'i: ot lyubvi zemnoj k lyubvi nebesnoj* [Patron saints of the family: from earthly love to heavenly love]. Moscow, Leto Publ., 2022, pp. 328-365. (In Russian).
13. *Moshchi.* (Svodka vskrytij moshchej, proizvedennyh po pochinu trudyashchihsya v predelakh Sovetskoj Rossii v 1918, 1919 i 1920 gg) [Relics. (Summary of the autopsies of relics produced by the initiative of workers within Soviet Russia in 1918, 1919 and 1920)]. *Revolyuciya i Cerkov'* [Revolution and the Church], 1920. № 9–12, pp. 72-82. (In Russian).
14. *Popov G. V.* Problemy atribucii pervoj vyhodnoj miniatyury Hroniki Georgiya Amartola [Problems of attribution of the first output miniature of the Chronicle of George Amartol]. *Russkie istoricheskie deyateli v ikone: Tezisy dokladov nauchnoj konferencii Central'nogo muzeya imeni Andrey Rubleva: dekabr' 1989 goda* [Russian historical figures in the icon: Abstracts of the scientific conference of the Andrei Rublev Central Museum: December 1989]. Moscow, 1995, pp. 7-10. (In Russian).
15. *Popova T. V.* Tverskaya ikona XIII-XVII vv. [Tver icon of the XIII-XVII centuries]. St. Petersburg, Aurora Publ., 1993, 280 p. (In Russian).
16. *Pribavlenie k cerkovnym vedomostyam, izdavaemym pri Svyatejshe Sinode* [Addition to the Church gazette issued by the Holy Synod]. 1902, № 26 (29 June), pp. 862. (In Russian).
17. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1. *Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Letopis]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 1997, 733 p. (In Russian).

18. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 4. Part. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [The Novgorod Fourth Chronicle]. Issue 2. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1925, 536 p. (In Russian).
19. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 6. Issue 1. Sofijskaya pervaya letopis' starshego izvoda [The Sofia First Chronicle]. Moscow, 2000, 581 p. (In Russian).
20. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 7. Letopis' po Voskresenskomu spisku [The chronicle of the Resurrection list]. St. Petersburg, Tip. Eduarda Praca Publ., 1856, 362 p. (In Russian).
21. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 10. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu (prodolzhenie) [Complete collection of Russian annals. Vol. 10. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle (continued)]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 2000, 248 p. (In Russian).
22. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 15. Part. 1. Rogozhskij letopisec [Rogozhsky chronicles]. Moscow, Nauka, 1965, 504 columns. (In Russian).
23. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 21. Kniga Stepennaya carskogo rodosloviya. 1-ya polovina [The Book of Degrees of the Royal Genealogy. 1st half. Part 1]. St. Petersburg: Tip. M. A. Aleksandrova Publ., 1908, 350 p. (In Russian).
24. Rychkov A. A., svyashch. Rodstvennye svyazi Tverskikh knyazej v kontekste cerkovnogo pochitaniya predstavitelej Tverskogo knyazheskogo doma konca XIII–XIV vekov [Family ties of the Tver Princes in the context of the religious veneration of representatives of the Tver Princely House of the late XIII–XIV centuries]. Paleorosija. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah [Paleorosija. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas.]. 2023, № 2 (22), pp. 43–49. (In Russian).
25. Slovo o perelozhenii chestnyh moshchej blazhennogo velikogo knyazya Mihaila Yarovslavicha Tverskogo chudotvorca [A word about the transfer of the venerable relics of the Blessed Grand Duke Mikhail Yaroslavich of Tver Wonderworker]. Zhurnal 86-go zasedaniya Tverskoj uchenoj arhivnoj komissii 1 maya 1902 goda [Journal of the 86th meeting of the Tver Scientific Archival Commission on May 1, 1902]. Tver', pp. 4–9.
26. Horoshev A. S. Politicheskaya istoriya russkoj kanonizacii (XI–XVI vv.) [The political history of Russian canonization (XI–XVI centuries)]. Moscow, Moscow State University Press, 1986, 206 p. (In Russian).

Received 19.02.2024

Sokolov R.A., Doctor of History, Vice-rector for Educational Activities and Youth Policy
of the Herzen State Pedagogical University of Russia
Herzen State Pedagogical University of Russia
Kazanskaya st., 6, Saint Petersburg, Russia, 191186
E-mail: romansokolow@mail.ru